

Выдающийся портрет античности. Сократ

Вступление

Великий Сократ - первый из трех выдающихся мыслителей эпохи высокой классики Древней Греции. Он был, как считали, воплощением эллинской мудрости, его называли святым греческой философии.

Сократ не создал какой-либо философской системы, не написал ни строчки. Он делал нечто неизмеримо более важное: бесконечными беседами и расспросами он будил и будоражил мысли. Под напором его диалектики и знаменитой иронии все распространенные представления об истине, знании, благе и добродетели, рушились, но вместо них Сократ не выставлял каких-то готовых истин. Он пытался привести самих людей к такому знанию, в достоверности которого они убедились бы сами. Он считал, что знание можно обрести только собственными усилиями, а не получить в качестве готового извне.

Сократ пытался найти в сознании человека такую опору, такой фундамент, на котором мог бы твердо находиться нравственный мир человека, что является очень актуальной проблемой в наше сложное время. Кроме того мне глубоко симпатизирует личность Сократа, и, думаю, именно поэтому мне особо интересно писать о нем.

Фигура Сократа в высшей степени знаменательна: его жизнь и смерть символически раскрывает природу философии.

Основная часть.

Сократ, древнегреческий философ, 469-399 гг. до н.э., сын каменотеса Софрониска и повитухи Фенареты. Внешность Сократа все называли уродливой. Он был похож на Силена: небольшого роста, с большим животом, курносый, толстогубый, с толстой шеей и большой лысиной. Его облик никак не соответствовал идеалам того времени, и, что поражало более всего, внешность философа не соответствовала “красоте его души”. Но все это лишь облагораживало умение Сократа господствовать над всем земным, над собой и показывало величие его духа. Внешний облик донесли до нас две гермы, имеющие надписи. На одной Сократ изображен с Сенекой, на другой, находящейся в Неаполе, он изображен один. (рис.1)

По этим двум гермам были идентифицированы как портреты Сократа другие изображения. При этом выяснилось, что копии снимались с двух различных оригиналов. Один сделан еще при жизни философа, когда художник лично видел Сократа. Философ предстает на нем человеком жизнерадостным, даже несколько похотливым, однако за некрасивой внешностью ясно видна его мудрость. Второй портрет Сократа возник лишь после его смерти. Афиняне создали его, рассказавшись в том, что заставили его выпить чашу с ядом. Это было произведение Лиссипа. На портрете несправедливо осужденный философ изображен таким, каким его воспринимали ученики. Художник не стал изображать внешнее уродство, желая подчеркнуть нравственную красоту человека, который считал, что добродетели можно научиться, и признавался: “Я знаю только то, что ничего не знаю”. Ранний портрет Сократа изображает его нищим, нетребовательным и одиноким человеком, не понятым ни своей женой Ксантиппой, ни многими другими людьми. На позднем портрете перед нами - мудрец, который провозгласил: “Существует только один бог-знания, и только один дьявол-невежество”. Он советовал каждому человеку слушать лишь внутренний голос (рис.2). Нам известны только головы Сократа. Попытка дополнить одну из статуй в Копенгагене головой философа не принесла ожидаемого результата. Однако в Британском музее находится статуэтка, изображающая внезапно остановившегося Сократа: вполне вероятно, что во время прогулки по рынку он встретил знакомого и решил начать с ним философскую беседу. Именно таким его знали в Афинах. (рис.3)

Сократ как объект изучения представляет значительные трудности. Несомненно, что в отношении многих исторических личностей нам очень мало известно, тогда как в отношении других известно многое; что же касается Сократа, то я не уверена, знаем ли мы о нем очень мало или очень много. Бесспорно, что он был афинским гражданином, обладавшим небольшими средствами, который проводил свое время в диспутах и учил молодежь философии, но не за деньги, как это делали софисты. Достоверно известно, что в 399 году до н.э., когда Сократу было около 70 лет, он был осужден, приговорен к смерти и казнен на афинский манер. Ему дали выпить чашу с ядом. Бесспорно также то, что он был хорошо известной личностью в Афинах, поскольку Аристофан изобразил его в карикатурном виде в своей комедии “Облака”.

Но за пределами этих фактов сведения о Сократе приобретают спорный характер. Двое из учеников Сократа, Ксенофонт и Платон, написали о нем много, но рассказывают о нем весьма различные вещи. Бернет высказал мысль, что даже в тех случаях, когда они в чем-либо согласны друг с другом, то это происходит потому, что Ксенофонт повторяет Платона. Когда же они расходятся во мнениях, то одни верят одному, другие-другому, а третьи не верят ни одному из них. Я не рискну примкнуть к той или иной стороне в этом опасном споре, а лишь кратко изложу указанные различные точки зрения.

Начнем с Ксенофонта, военного человека, не очень щедро одаренного интеллектом и в целом склонного придерживаться традиционных взглядов. Ксенофонт огорчен тем, что Сократа обвинили в нечестии и в развращении юношества; он утверждает, что, наоборот, Сократ был весьма благочестив и что влияние его на юношество было вполне благотворным. По-видимому, его идеи, далеко не являлись разрушительными, будучи скорее скучными и банальными. Эта защита заходит слишком далеко, поскольку она оставляет без объяснения враждебное отношение к Сократу. Как говорит Бернет, “защита Сократа Ксенофонтом чересчур успешна. Сократа никогда бы не приговорили к смерти, если бы он был таким, каким его описывает Ксенофонт”.

Существовала тенденция считать, будто все, что говорит Ксенофонт, должно быть правильно, потому что ему не хватало ума думать о чем-либо неправильном. Ссылаясь на Б. Рассела, я хотела бы отметить: “Эта линия аргументации совершенно неосновательна. Пересказ глупым человеком того, что говорит умный, никогда не бывает правильным, потому что он бессознательно превращает то, что он слышит, в то, что он может понять. Я предпочел бы, чтобы мои слова передавал мой злейший враг среди философов, чем друг, не сведущий в философии. Поэтому мы не можем принять то, что говорит Ксенофонт, если это включает какой-либо трудный вопрос в философии или является частью аргументации, направленной на то, чтобы доказать, что Сократ был несправедливо осужден”.

Тем не менее некоторые из воспоминаний Ксенофонта весьма убедительны. Он сообщает (как это делает и Платон), что Сократ был постоянно занят вопросом о том, как добиться того, чтобы власть в государстве принадлежала компетентным людям. Он имел обыкновение задавать такие вопросы: “Если бы я хотел починить башмак, к кому бы я должен обратиться?” На этот вопрос некоторые искренние юноши отвечали: “К сапожнику, о Сократ”. Он имел обыкновение отправляться к плотникам, кузнецам и т.п. и задавал некоторым из них такой, например, вопрос: “Кто должен чинить корабль государства?” Когда он вступил в борьбу с тридцатью тиранами, их глава, Критий, который был знаком со взглядами Сократа, так как учился у него, запретил ему продолжать учить молодежь, сказав: “Нет, тебе придется, Сократ, отказаться от этих сапожников, плотников, кузнецов: думаю, они совсем уже истрепались оттого, что вечно они у тебя на языке”. Это происходило в период кратковременного олигархического правления, установленного партанцами в конце пелопоннесской войны. Но большую часть времени в Афинах было демократическое правление, так что даже военачальники избирались по жребию. Однажды Сократ встретил юношу, желавшего стать военачальником, и убедил его поучиться военному искусству. Последовав этому совету, юноша уехал и прошел небольшой курс тактики. Когда он вернулся, Сократ шутливо похвалил его и отправил обратно продолжать обучение. Другого юношу Сократ заставил изучать основы науки о финансах. Подобного рода план он пытался проводить на многих людях, включая стратега; но было решено, что легче заставить замолчать Сократа при помощи цикуты, чем избавиться от того зла, на которое он жаловался.

Описание личности Сократа у Платона вызывает затруднение совершенно иного рода, чем описание Ксенофонта, а именно - очень трудно судить о том, в какой мере Платон хотел изобразить Сократа как историческую личность и в какой мере он превратил лицо, называемое в его диалогах “Сократом”, в выразителя своих собственных мнений. Платон был не только философом, но также талантливым писателем, обладавшим живым воображением и обаянием. Никто не предполагает, да и сам Платон не претендовал всерьез на то, что беседы в его диалогах происходили точно так, как он их излагает. Тем не менее, во всяком случае в более ранних диалогах, беседа ведется совершенно естественно и характеры ее участников вполне убедительны. Именно выдающееся мастерство Платона как писателя вызывает сомнение в нем как в историке. Его Сократ является последовательным и исключительно интересным характером, какого не смогло бы выдумать большинство людей; но я считаю, что Платон мог бы выдумать его. Сделал ли он это на самом деле, - это, конечно, другой вопрос.

Диалог, который громадным большинством считается историческим, - это “Апология”. Это воспроизведение той речи, которую Сократ произнес на суде в свою защиту. Конечно, это не стенографический отчет, а лишь то, что сохранилось в памяти Платона через несколько лет после этого события, -

собранное вместе и литературно обработанное. Платон присутствовал на суде, и совершенно ясно, что написанное им представляет собой воспоминание Платона о том, что говорил Сократ, и что Платон был намерен, вообще говоря, создать произведение исторического характера. Этого, при всех оговорках, достаточно, чтобы дать совершенно определенное описание характера Сократа.

Основные факты суда над Сократом не вызывают сомнения. Судебное преследование было основано на обвинении в том, что “Сократ погрешает и переступает меру должного, исследуя то, что под землею, и то, что в небесах, делая более слабый довод более сильным и научая тому же самому других”. Действительным основанием враждебного отношения к Сократу было, по всей вероятности, предположение, что он связан с аристократической партией; большинство его учеников принадлежало к этой группе, и некоторые из них, находясь у власти, причинили большой вред. Но это основание нельзя было сделать доводом вследствие амнистии. Большинство голосов Сократ был признан виновным, и, согласно афинским законам, он мог предложить, чтобы ему назначили какое-нибудь наказание менее тяжелое, чем смерть. В случае признания обвиняемого виновным судьи должны были назначить одно из двух наказаний, предложенных обвинением и защитой. Поэтому в интересах Сократа было предложить такое наказание, которое суд мог принять как соответствующее его вине. Сократ же предложил штраф в 30 мин, который некоторые из его друзей (в том числе Платон) готовы были внести за него. Это было настолько легким наказанием, что суд был раздражен и приговорил Сократа к смерти большинством, превосходившим то большинство, которое признало его виновным. Сократ, несомненно, предвидел этот результат. Ясно, что у него не было желания избежать наказания смертью путем уступок, которые могли бы показаться признанием его вины.

Обвинителями Сократа были демократический политический деятель Анит, поэт-трагик Мелет, “молодой и неизвестный, с гладкими волосами, скудной бородкой и крючковатым носом”, и неизвестный ритор Ликон. Они утверждали, что Сократ виновен в том, что не поклоняется тем богам, которых признает государство, но вводит другие, новые божества и что он виновен в развращении молодежи, так как учил ее тому же самому.

Оставив неразрешимым вопрос об отношении платоновского Сократа к действительному Сократу, посмотрим, что заставляет Платон говорить его в ответ на это обвинение.

Сократ начинает с того, что обвиняет своих обвинителей в ораторском искусстве и опровергает это обвинение в применении к самому себе. Он говорит, что единственное ораторское искусство, на которое он способен, - это говорить правду. И они не должны сердиться, если он будет пользоваться привычным для него способом выражения и не произнесет “...речи, изукрашенной риторическими оборотами и эффектными словами...” Ему было 70 лет, и он никогда до этого не бывал в суде; поэтому они должны извинить его несудебную манеру речи.

Он сказал затем, что, кроме его официальных обвинителей, он имеет многих неофициальных обвинителей, которые, с тех пор, когда эти судьи были еще детьми, говорили, что “существует некий Сократ, мудрый муж; его заботят небесные явления; он исследует все, что под землею, и “...более слабый довод делает более сильным”. Считают, говорит Сократ, что такие люди не верят в существование богов. Это старое обвинение со стороны общественного мнения более опасно, чем официальное обвинение, тем более, что Сократ не знает, кто эти люди, от которых оно исходит, за исключением Аристофана. Отвечая на эти старые враждебные доводы, Сократ указывает, что он не является ученым, и заявляет, что подобного рода знание “...вовсе меня не касается”, что он не учитель и не берет платы за обучение. Он высмеивает софистов и отрицает за ними знание, на которое они претендуют. После чего он говорит :”...я постараюсь вам показать, что именно создало мне имя (мудреца) и навлекло на меня дурную славу”.

По-видимому, однажды у дельфийского оракула спросили, имеется ли человек более мудрый, чем Сократ, и оракул ответил, что не имеется. Сократ заявляет, что он был в полном недоумении, поскольку вовсе не признавал себя мудрым, хотя бог не может лгать. Поэтому он отправился к людям, считавшимся мудрыми, чтобы посмотреть, не может ли он убедить бога в его ошибке. Прежде всего Сократ отправился к одному государственному деятелю, который “...кажется мудрым многим другим, а в особенности себе самому...” Сократ скоро обнаружил, что этот человек не был мудрым, и вежливо, но твердо объяснил ему это. “Все это возбудило в этом человеке... ко мне ненависть”. После этого Сократ обратился к поэтам, и попросил их объяснить ему отдельные места в их произведениях, но они не были в состоянии это сделать. “Таким образом узнал я ... что то, что они сочиняют, не мудростью сочиняют они, а благодаря какой-то прирожденной способности, в состоянии вдохновения...” Затем Сократ пошел

к ремесленникам, но они также разочаровали его. В процессе этого занятия, говорит он, у него появилось много опасных врагов. Наконец он пришел к выводу, что “мудрым оказывается бог и прорицанием своим он указывает на то, что человеческая мудрость дешево стоит, ничего не стоит. И, кажется, он не имеет в виду тут Сократа, а только воспользовался моим именем примера ради, все равно как если бы он сказал: “О люди, тот из вас мудрее, кто, подобно Сократу, познал, что он поистине ничего не стоит в смысле мудрости”. Это занятие, состоявшее в том, чтобы изобличать людей, претендующих на мудрость, отнимало у Сократа все его время и способствовало его крайней бедности, но он считал своим долгом подтвердить слова оракула.

Однако Сократ не утверждает, что мудрость - нечто принципиально непостижимое. И его знаменитый постулат :”Я знаю только то, что ничего не знаю, а другие не знают даже этого”, означает только, что афинский мыслитель стремится знать больше и глубже. Русский философ конца 19 в. расшифровывает сократовские слова так :”Кто познал свое незнание, тот уже нечто знает и может знать больше; ты не знаешь-так узнавай; не обладаешь правдой-так ищи ее; когда ищешь, она уже при тебе, только с закрытым лицом, и от твоего умственного труда зависит, чтобы она открылась”.

Молодые люди, сыновья богатейших граждан, как говорит Сократ, у которых бывает больше всего досуга, с удовольствием слушают, как он испытывает людей и часто сами, подражая ему, пробуют испытывать других и тем самым способствуют увеличению числа его врагов. Потому что “им не хочется быть изобличенными в том, что они представляются, будто что-то знают, а на самом деле ничего не знают”.

Этой защиты достаточно для первых обвинителей.

Теперь Сократ переходит к рассмотрению аргументации своего обвинителя Мелета, “...доброго патриота, как он говорит...” Сократ спрашивает у Мелета, кто же те люди, которые делают молодых людей лучшими. Сначала Мелет называет судей, затем под давлением он был вынужден шаг за шагом признать, что все афиняне, кроме Сократа, делают молодых людей лучшими, вслед за чем Сократ поздравляет город с его счастливой судьбой. Далее Сократ говорит, что лучше жить с добрыми людьми, чем со злыми, и поэтому он не мог бы быть таким безумным, чтобы намеренно развращать своих сограждан. Если же он развращает их не намеренно, тогда Мелет должен был бы не привлекать его к суду, а наставлять и вразумлять его.

В обвинении было сказано, что Сократ не только не признает богов, которых признает государство, но вводит других, своих собственных богов. Однако Мелет говорит, что Сократ является полным атеистом, и добавляет :”...он утверждает, что Солнце - камень, Луна - земля”. Сократ отвечает, что Мелет по-видимому, думает, что он обвиняет Анаксагора, чьи взгляды можно услышать в театре за одну драхму (по всей вероятности, в пьесах Еврипида). Сократ, конечно, отмечает, что это новое обвинение в полном атеизме противоречит самому же официальному обвинению, и затем переходит к более общим соображениям.

Остальная часть “Апологии”, по существу, выдержана в религиозных тонах. Сократ вспоминает, что, когда он был воином и ему приказывали, он оставался на своем посту. “...Теперь, когда назначил меня бог для того, чтобы ... жить, занимаясь философией и испытанием самого себя и всех прочих...”, было бы так же позорно оставить строй, как прежде во время сражения. Страх смерти не является мудростью, поскольку никто не знает, не является ли смерть для человека величайшим из всех благ. Если бы ему предложили сохранить жизнь при условии, что он перестанет заниматься философией, как он это делал до сих пор, он ответил бы: “ Я вас, афиняне, люблю и обожаю, но повиноваться буду более богу, чем вам, и, пока дышу и в силах, не перестану заниматься философией, всегда уговаривать и указывать каждому из вас, кого встречу... Ибо так мне повелевает бог - будьте уверены в этом; и, я думаю, что для вас во всем городе нет больше блага, как это мое служение богу”. Он продолжает далее :

“Ведь я думаю, что, слушая меня, вы извлечете себе пользу. Я намерен сказать вам нечто такое, по поводу чего вы, пожалуй, поднимите крик. Только никоим образом не делайте этого!

Будьте уверены: если вы меня убьете, такого, каков я есть, вы больше повредите не мне, а самим себе! Мне-то ведь нисколько не принесут вреда ни Мелет, ни Анит, - да они и не смогут сделать этого, так как, я думаю, не полагается худшему наносить вред лучшему. Конечно, они могут и убить меня, подвергнуть изгнанию, лишить гражданских прав. Но это они и, пожалуй, еще и кто-либо иной считают за великое зло, я же не считаю, а считаю гораздо большим злом поступать так, как они теперь поступают, стремясь несправедливо осудить человека на смерть”.

Сократ говорит, что он защищается не ради себя, но ради своих судей. Он является своего рода оводом, которого бог приставил к государству, и нелегко будет найти другого такого человека, как он. “Очень может быть, вы, тяготясь мною, как те люди, которых будят, когда они дремлют, оттолкнете меня, по наущению Анита, и с легким сердцем убьете. Но тогда вы и всю остальную жизнь проведете в спячке, если только бог, в попечении о вас, не пошлет вам кого-нибудь другого”.

Почему он давал эти советы только частным образом, а публично не давал советов по государственным делам? “...Вы неоднократно и повсюду от меня слышали: со мною бывает нечто божественное и демоническое, над чем и Мелет надсмехался в своей жалобе. Началось это у меня с детства: какой-то голос, который всякий раз, когда бывает, постоянно отклоняет меня от того, что я намереваюсь сделать, но никогда не склоняет к чему-либо. Вот это-то и препятствует мне заниматься политикою”. Далее он говорит, что честный человек не может долго прожить, если он занимается государственными делами. Он приводит два примера того, как его против желания вовлекли в государственные дела: в первом случае он оказал сопротивление демократии, во втором - тридцати тиранам; причем в каждом случае, когда власти действовали противозаконно.

Сократ отмечает, что среди присутствующих на суде находится много его бывших учеников, а также их отцов и братьев. Ни один из них не был вызван обвинителем в качестве свидетеля того, что Сократ развращал молодежь (это почти единственный аргумент в “Апологии”, который санкционировал бы адвокат). Сократ отказывается следовать обычаю приводить в суд своих плачущих детей, чтобы смягчить сердца судей; такие вызывающие жалость сцены, говорит он, делают равно смешными и обвиняемого и город. Его цель состояла в том, чтобы убедить судей, а не просить у них милости.

После оглашения приговора и отказа судей назначить предложенное Сократом наказание в 30 мин. (в связи с этим Сократ называет Платона в качестве одного из своих поручителей, который присутствует на суде) он произносит свою последнюю речь:

“Вам, осудившим меня, я хочу сделать предсказание о том, что произойдет вслед за тем. Ведь я уже нахожусь в таком положении, когда люди в особенности дают предсказания - это когда они должны умереть. Я говорю вам, тем, которые убили меня, что возмездие на вас придет немедленно же после моей смерти, возмездие - клянусь Зевсом! - гораздо более тяжелое, чем моя смерть, которой вы убиваете меня... В самом деле: если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите этим кого-либо от поношения вас в неправильной жизни вашей, вы неправильно мыслите. Ведь такого рода избавление и не очень-то возможно и не хорошо; а вот другой способ избавления - и самый прекрасный и самый легкий: не насиловать других, а самого себя держать так, чтобы быть как можно лучше...”

Затем Сократ обращается к тем своим судьям, которые голосовали за его оправдание, и говорит им, что в течение этого дня его божественное знамение ни разу не противодействовало ему ни в действиях, ни в словах, хотя в других случаях оно много раз удерживало его среди речи. “...Сдается мне, - сказал он, - что приключившееся со мною есть благо, и не может быть, следовательно, правильным ваше предположение, поскольку мы думаем, что смерть есть зло”. Потому что смерть является или сном без сновидений, что представляет удивительную выгоду, или переселением души в другой мир. И “...чего не дал бы каждый из вас, чтобы быть вместе с Орфеем, Мусеем, Гесиодом, Гомером? Да я хотел бы много раз умереть, если это правда!” В другом мире он будет беседовать с другими людьми, которые умерли вследствие несправедливого судебного решения, и, кроме того, он будет продолжать набираться знаний. “Само собой разумеется, тамошние люди за это не убивают, потому что они, помимо всего прочего, блаженнее здешних и уже все остальное время бессмертны, если правда то, что об этом говорят...”

Но вот уже и время уходить, мне - чтобы умереть, вам - чтобы жить. А кто из нас идет на лучшее дело, известно одному богу”.

“Апология Сократа” дает ясное изображение человека определенного типа: человека уверенного в себе, великодушного, равнодушного к земному успеху, верящего, что им руководит божественный голос, и убежденного в том, что для добродетельной жизни самым важным условием является ясное мышление. Если исключить последний пункт, то Сократ напоминает христианского мученика или пуританина. В последней части своей речи, в которой он обсуждает то, что происходит после смерти, невозможно не почувствовать, что он твердо верит в бессмертие и что высказываемая им неуверенность лишь напускная. Его не тревожит, подобно христианам, страх перед вечными муками; он не сомневается в том, что его жизнь в загробном мире будет счастливой. В “Федоне” платоновский Сократ приводит основания для веры в бессмертие. Действительно ли эти основания оказали влияние на исторического

Сократа, сказать нельзя.

Едва ли можно сколько-нибудь сомневаться в том, что исторический Сократ утверждал, что им руководил оракул или демон. Невозможно установить; аналогично ли это тому, что христианин назвал бы голосом совести, или это являлось ему как действительный голос. Жанну д'Арк вдохновляли голоса, что представляет собой обычный симптом душевной болезни. Сократ был подвержен каталептическим трансам; во всяком случае, это представляется естественным объяснением того случая, который однажды произошел с ним, когда он был на военной службе:

“Погрузившись с раннего утра в какое-то размышление, он стоял и думал; так как дело у него не подвигалось вперед, он не прекращал течения своих мыслей и все стоял. Наступил полдень; люди стали обращать на это внимание и с удивлением говорили один другому: “Вот Сократ с раннего утра стоит чем-то озабоченный”. Наконец, когда наступил уже вечер, некоторые из тех, кто был помоложе - дело происходило летом, - вынесли (из палаток), после вечерней еды, матрацы, отчасти чтобы спать на холодке, отчасти чтобы наблюдать, будет ли Сократ стоять и ночью. Он простоял до зари и солнечного восхода, затем, совершив молитву Солнцу, ушел”.

Подобного рода факты в меньшей степени были обычным явлением у Сократа. В начале “Пира” у Платона описывается, как Сократ и Аристодем отправились вместе на обед, но Сократ, будучи в состоянии рассеянности, отстал от Аристодема. Когда Аристодем пришел, хозяин дома, Агафон, спросил: “А Сократа-то что же ты не привел к нам?” Аристодем удивился, обнаружив, что Сократа не оказалось с ним; послали раба искать Сократа, и он нашел его у соседней входной двери. “Сократ этот пошел назад, остановился у соседней входной двери и на мой зов сказал, что не желает идти к нам”, - сказал раб. Те, кто хорошо знали Сократа, объяснили, что “...у него такая привычка - отойдет иной раз, куда придется, и стоит”. Они оставили Сократа в покое, и он пришел, когда обед наполовину был уже окончен.

Все согласны в том, что Сократ был очень безобразен; он был курносый и имел большой живот. Он “...безобразнее всех силенов в сатирических драмах”. Он всегда был одет в старую, потрепанную одежду и всюду ходил босиком. Его равнодушие к жаре и холоду, голоду и жажде удивляло всех. В “Пире” Платона Алкивиад, описывая Сократа на военной службе, говорит следующее:

“...Сократ превосходил не только меня, но и всех прочих своей трудоспособностью. Нередко случалось, что обыкновенно бывает в походах, нам быть отрезанными (от подвоза продовольствия) и поэтому голодать. И тогда в выносливости все были в сравнении с ним ничто...В выносливости от холода, - а зимы там жестокие - он показывал чудеса. В особенности один раз, когда стояла жесточайшая стужа и все либо совсем не выходили из палаток, либо, если кто и выходил, удивительно как сильно закутывался, подвязывал под ноги и обматывал их войлоком и овечьими шкурами, Сократ и тут выходил в том плаще, какой он обыкновенно носил ранее, и на босу ногу ходил по льду легче, чем все остальные, обутые. Воины стали косо смотреть на него, думая, что он издевается над ними”.

Постоянно подчеркивается умение Сократа господствовать над всеми плотскими страстями. Он редко пил вино, но когда пил, то мог перепить любого; но никто никогда не видел его пьяным. В любви, даже при самых сильных соблазнах, он оставался “платоническим”, если Платон говорит правду. Он был совершенным орфическим святым: в дуализме небесной души и земного тела он достиг полного господства души над телом. Решающим в конечном счете доказательством этого господства является его равнодушие к смерти. В то же самое время Сократ не является ортодоксальным орфиком. Он принимает лишь основные доктрины, но не суеверия и не церемонии очищения.

Платоновский Сократ предвосхищает и стоиков и киников. Стоики утверждали, что высшим добром является добродетель и что человек не может быть лишен добродетели в силу внешних причин; эта теория подразумевается в утверждении Сократа, что его судьи не могут повредить ему. Киники презирали земные блага и проявляли свое презрение в том, что избегали удобств цивилизации; это та же самая точка зрения, которая заставляла Сократа ходить босиком и плохо одетым.

Представляется совершенно определенным, что Сократ был поглощен этическими вопросами, а не научными. Как мы видели, он говорит в “Апологии”, что подобного рода знание “...вовсе меня не касается”. Самые ранние из диалогов Платона, которые обычно считаются наиболее сократическими, посвящены в основном поискам определений этических терминов. “Хармид” посвящен определению умеренности, или воздержания; “Лисис” - дружбы; “Лахет” - мужества. Ни в одном из них не сделано выводов, но Сократ ясно говорит, что он считает важным рассмотрение этих вопросов.

Он утверждает, что ни один человек не грешит сознательно и поэтому необходимо лишь знание,

чтобы сделать всех людей совершенно добродетельными.

Для Сократа характерно утверждение тесной связи между добродетелью и знанием. В некоторой степени это характерно для всей греческой философии в противоположность философии христианства. Согласно христианской этике, существенным является чистое сердце, которое можно встретить с одинаковой вероятностью как у невежественных людей, так и среди ученых. Это различие между греческой и христианской этикой продолжает сохраняться вплоть до настоящего времени.

Еще один важный для характеристики взглядов Сократа момент. Древнегреческий мыслитель-выраженный диалектик. Диалектика, то есть метод приобретения знания путем вопросов и ответов, не была изобретена Сократом. Но он был мастером выяснять суть вопросов и ответов в непринужденной беседе, предполагающей столкновение мыслей, отбрасывание ложных путей, выбор наводящих вопросов и, как следствие, постепенное приближение к истине. Именно в этой связи говорят о сократовской иронии, методе Сократа. Суть его - в стремлении достичь правильного знания, обнаруживая противоречия в утверждениях собеседника. Примеры использования Сократом диалектики в искусстве спора можно найти у Платона.

В диалоге Платона “Парменид” Зенон подвергает Сократа тому же самому роду обращения, какому повсюду у Платона Сократ подвергает других. Но имеются все основания предполагать, что Сократ применял на практике и развивал этот метод. Как мы видели, когда Сократа приговорили к смерти, он с радостью размышляет о том, что в загробном мире ему можно продолжать вечно задавать вопросы и его не смогут предать смерти, так как он будет бессмертным. Конечно, если он применял диалектику так, как это описано в “Апологии”, то легко объяснить враждебное к нему отношение: все хвастуны в Афинах должны были объединиться против него.

Вопросы, которые могут быть рассмотрены посредством метода Сократа, - это те вопросы, о которых мы уже имеем достаточные познания, чтобы прийти к правильному выводу, но из-за путаницы или недостаточного анализа не сумели логически использовать то, что мы знаем. Такой вопрос, как “что такое справедливость?”, вполне годится для обсуждения в платоновском диалоге. Все мы свободно употребляем слова “справедливый” и “несправедливый”, и, изучая, в каком смысле мы их употребляем, мы можем индуктивно прийти к определению, которое лучше всего будет соответствовать употреблению этих слов. Требуется лишь знание того, как употребляются эти слова в вопросе. Но когда наше исследование будет закончено, то окажется, что мы сделали лишь лингвистическое открытие, а не открытие в области этики.

Однако мы можем с пользой применять этот метод для какого-то более широкого ряда случаев. Когда то, что обсуждается, является более логическим, чем фактическим, тогда обсуждение является хорошим методом выявления истины. Предположим, что кто-то утверждает, например, что демократия хороша, но лицам, придерживающимся определенных мнений, не следовало бы разрешать голосовать; мы можем убедить такого человека в том, что он непоследователен, и доказать ему, что по крайней мере одно из его двух утверждений должно быть более или менее ошибочным. Я считаю, что логические ошибки имеют большее практическое значение, чем многие полагают; они дают возможность тому, кто их совершает, придерживаться удобного мнения по каждому вопросу. Всякая логически связанная теория должна быть отчасти тягостной и противоречить распространенным предрассудкам. Диалектический метод, или, в более общем смысле, привычка к свободному обсуждению, ведет к логической последовательности и является в этом отношении полезным. Но он совершенно непригоден, когда целью его является обнаружение новых факторов.

Сократа интересует не только мораль, но и политика, право, гражданские законы, проблемы войны и мира - все, что тем или иным образом касалось каждого гражданина Афин. Но главное для него - этика. Развивая и отстаивая в разговорах и дискуссиях свои взгляды, философ стремится помочь людям найти “самих себя”, научиться вести себя в соответствии с законами и нормами нравственности.

Заключение.

Рассматривая этого уникального человека и философа Сократа, я хотела бы привести слова Л. Шестова, который очень точно и объемно охарактеризовал его: “При всей его внешней скромности, при всей его видимой нетребовательности : он разговаривал и с ремесленниками, и с рабами, и с детьми; он жил бедно, одевался бедно, ел, что Бог пошлет, терпеливо сносил жалобы и брань своей Ксантипы - право называться мудрейшим он отстаивал всеми силами своего замечательного ума. Он уступал другим богатства, почести... но правоты своей он не уступил бы никому; тот, кто хотел быть правым, дол-

жен был идти за Сократом. Да и мог бы Сократ отречься от этого своего права? Он отказался...от всего, чем люди жили,-от всех чувственных благ. Он не колеблясь утверждал, что лучше претерпеть несправедливость, чем самому быть несправедливым. И в его устах это не было пустой фразой. Все древние писатели единогласно свидетельствуют, что слова Сократа были его делом-и не в переносном смысле, а в буквальном. Он принимал, когда нужно было, несправедливость - и тяжкую несправедливость, но себе не разрешал быть несправедливым даже по отношению к обидчику. И так как в жизни человеку, который сам не хочет обижать, приходится постоянно терпеть обиды от других, то жизнь Сократа была очень трудной и мучительной...” И чем же мог жить Сократ, когда он роздал все, что у него было? И вот он создал сам себе духовную пищу-не хлебом будет жить человек, не почестями и другими человеческими чувственными радостями, а сознанием своей справедливости, своей правоты. Человек может так жить, чтобы всегда чувствовать себя правым, и когда он чувствует себя правым, ему больше ничего и не нужно.

Эта мысль Сократа, это дело Сократа легло в основание всей греческой философии - оно легло в основание всей вековой мудрости человечества.

Список литературы

1. Г. Хафнер Выдающиеся портреты античности :337 портретов в слове и образе. - М.,1984 г.
2. Б. Рассел История западной философии. - М.,1993 г.
3. М. Вальяно Основы философской культуры. - М.,1994 г.